

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 003

А. С. Дриккер

СЛОВО ДО И ПОСЛЕ КНИГИ*

Становление культуры можно представить как обретение двуязычия, как обогащение визуального восприятия прачеловека вербальными способностями. Дальнейший эволюционный путь ведет к мифопоэтической вербально-визуальной языческой фазе культуры древних царств, от нее — к рациональной (книжной) вербальной фазе, а следом — к современной визуально-вербальной фазе. Активное вытеснение книги, типичное для сегодняшней демократической цивилизации, является закономерным результатом эволюционного процесса.

Очередной цикл культуры всегда связан с варваризацией как следствием вырождения уходящей цивилизации. Но временное отступление книги, несомненно, порождает сегодня проблемы для творческого продвижения, в конечном итоге, стимулируя продуктивное воображение, пойдет на пользу культуре и личности.

Ключевые слова: книга, эволюция культуры, рациональность, вербальная фаза, визуальность, эффективный код, канал, восприятие.

A.S. Drikker

THE WORD BEFORE AND AFTER BOOK

Typical of today's democratic civilization, active replacement of the book is seen as a natural result of the cultural evolution process. The culture formation in the course of this process can be represented as the acquisition of bilingualism (enrichment of visual perception humanoids by the verbal abilities). Further evolutionary path leads from the mythopoetic verbal-visual phase to the rational, verbal phase, and then to the modern visual-verbal phase. The next cycle of culture is always associated with barbarism as a consequence of the degeneration of the previous civilization. Modern trends reflect an evolutionary regularity — the deletion a book from the proscenium of civilization — reflects the objective process of a search of new efficient code and of cultural forms.

Keywords: cultural evolution, the book, rationality, verbal phase, visibility, efficient code, perception, channel.

Плачевное состояние издательского дела, книготорговли в России [1] и в мире [2], опустевшие залы еще недавно переполненных ведущих библиотек, исчезновение бумажной книги из повседневной учебной практики однозначно определяют

Дриккер Александр Самойлович — доктор культурологии, профессор, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; asdrikker@mail.ru

Drikker Alexander S. — Doctor of Culturology, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; asdrikker@mail.ru

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 13-03-00151.

ближайшее будущее печатной книги в актуальной культуре. Той книге, без которой не было бы ни современного образования, ни науки и техники, ни представления о правах человека, больше нет места в демократическом цифровом обществе. Что же означает подобное масштабное явление?

Каналы культуры

Реализацию генетически закрепленной предрасположенности биологического представителя *homo sapiens* к человеческой — культурной — жизнедеятельности обеспечивают в первую очередь зрение и слух. Способности к тонкому, богатому, изощренному визуальному и акустическому восприятию развиваются асимметрично.

Наиболее сложно организованная зрительная система имеет едва ли не самую длинную историю. Именно визуальное восприятие определило развитие эмоций и интеллекта наших ближайших родственников — шимпанзе. Построение сложного алгоритма и его воплощение в действие возможно для шимпанзе только в том случае, если все элементы, необходимые для достижения цели, находятся в зрительном поле [3]. Ту «огромную разницу, которая всегда все же может быть обнаружена в морфофизиологическом и психическом совершенствовании между антропоидами и самым примитивным человеком» [3, с. 215], естественно истолковать как следствие несовершенства, недоразвитости у первых сигнально-речевого потенциала, без которого адаптивное культурное продвижение не обретает достаточного ускорения. Генетически закрепляемая морфологическая способность к тонкому модулированию и восприятию звуков [4], появление языка — эффективного кода для распространения ширящегося культурного опыта — вот что отличало выжившие группы кроманьонцев и позволило им вытеснить (возможно, съесть) неандертальцев. Владение членораздельной речью — важнейший видоспецифический признак человека.

Визуально-вербальный синкретизм

Таким образом, психическое развитие *homo sapiens*, как и высших приматов, прачеловека, свершалось в первую очередь в зрительном поле, но лишь с возникновением языка, речи, лишь с появлением слова и многоязычного (визуально-вербального) сознания можно говорить не об адаптационной роли интеллекта и эмоций, но о становлении культуры.

Эволюция на долгом пути от палеолита до Нового времени была сосредоточена на психофизиологическом развитии «акустических», вербальных и музыкальных, способностей человека (от «создания» зон Брока и Вернике [5] в левом полушарии мозга до необходимого для членораздельной, тональной артикуляции звука низкого расположения гортани) — на том совершенствовании, результаты которого явлены в наследии Гомера, Шекспира, Моцарта и Эйнштейна.

Конечно, визуальное восприятие, без которого немислима охотничья, трудовая деятельность, технологический прогресс, также постоянно усложнялось. Но именно экспансия слова, усиление его влияния — столбовой эволюционный путь культуры от первобытной стадии до современной.

Можно выделить несколько периодов этой экспансии. И первобытность, и языческий мир высоких древних культур — это царство мифа, жрецов, пророков, в котором властвует слово. С другой стороны, это мир визуальный, где слова — имена видимых, зримых или незримых, но временно скрытых персон, субъектов, поскольку объектов там нет [6]. В этом мире очевидная для современного человека безмолвность камня — лишь кажимость. Говорить способны не только животные, но и деревья, горы, небо, которое может быть громогласным до ужаса.

Словесные и визуальные образы, картины, сменяя и дополняя друг друга, возбуждают воображение двухкамерного мифопоэтического сознания и порождают сложные и многообразные модели мироздания, которым могла бы позавидовать рациональная культура. Разве монотеистические картины мира сложнее древнеегипетской с ее многочисленным и многозначным пантеоном? Можно ли усмотреть безусловный подъём духа в довольно ограниченном двоичном представлении о душе и теле, если сравнить его с египетской моделью, включавшей пять или семь оболочек: видимую часть человеческого существа, душу-двойник, сущность человека, душу-сердце, душу-причину, душу-смысл и, наконец, Ах — просветленный дух [7]?

Античное слово, несмотря на достаточно долгую к тому времени письменную историю, — ещё слово изустное, эпическое. Философские проповеди Сократа — один из последних отголосков того живого слова, что царило в разреженном, пустынном пространстве. Завершается эра малонаселенного мира, той насыщенной внутренней жизни одинокого эйдетического сознания, в котором яркие зримые картины порождали поэмы и мифы, а завораживающие словесные образы обретали красочную видимость.

Впрочем, доносится это слово до нас благодаря гению Платона, записавшего речения учителя, — благодаря письменным источникам.

Письменная экспансия

На эволюционном пути культуры в ее беспредельном расширении (демографическом, географическом, земледельческом) эйдетическое сознание движется к своему угасанию, усиливая рациональные принципы, изыскивая, распространяя мнемотехнические приемы и методы для преобразования памяти, уже не справляющейся с открывающимся многообразием природного и искусственного. Слово — звучащий знак, заместитель изображения, живой картины — преобразовывается и затвердевает в глиняных табличках с клинописью, в покрытых иероглифами стелах и рельефах.

Экспансия письменности отмечает конец двоевластия, вербальное полушарие решительно движется к главенству. Вышедшая (вместе с народом Израиля) из Египта иудейская культура — это культура словесная: «В начале было Слово». Свержение золотого тельца символизирует победу над языческим, зримым миром. Ковчег хранит в себе главную святыню — каменные Скрижали Завета с Десятью заповедями: «Я же стоял между Господом и между вами в то время, дабы пересказывать вам слово Господа, ибо вы боялись огня и не восходили на гору», — говорит Моисей (Втор. 5:5). Торжество писанного слова приводит людей книги — народ Израиля — к обладанию Землей Обетованной. Однако итогом этого торжества первого грамотного народа становится его рассеяние.

Христианство наследует традицию. Новое христианское слово (проповеди Христа, апостолов) — слово устное, но к торжеству в необъятном римском мире христианство приходит лишь тогда, когда закрепляет канонический свод текстов, ограничивая ереси и независимые религиозные искания. Сакральность слова определяет как суть христианства, так и весь строй долгого христианского средневековья: присяга на верность в отношениях сюзерена и вассала эхом повторяет Завет избранного народа с Богом, рыцарский кодекс — это кодекс христианского воина, послушание — это следование гласу небесному, определяющее поведение не только в церковной, но и в мирской жизни.

Всемирная экспансия христианства, открывающая процесс глобальной демократизации, распространения грамотности, девальвирует звучание сакрального слова с его персональными интонациями, ведет к вытеснению его словом печатным — внеличным, доступным для всеобщего восприятия, лишенным былого многозначия, но обеспеченным уверенным, эффективным кодированием. Апогея книжная культура, безусловно, достигает в Новое время. Вся система воспитания, научения нацелена на постоянное расширение знания. Развитие науки, производства, философское и художественное освоение мира базируются на непрерывно возрастающей доступности, всеохватности книжного знания. Реформация как переход к принципам жизнеустройства Нового времени продвигается только вместе с распространением печатного слова от эпохи Лютера до времен Ленина и Мао.

Европейский мир литературоцентричен. Он сотворен в первую очередь гением Данте и Шекспира, Толстого и Ницше. Однако стимулируя духовные озарения, раздвигая пределы знания, слово, растекаясь по необъятной демократической аудитории, блекнет в миллионных тиражах, утрачивая живой смысл и силу воздействия. Абсолютное доминирование слова и жесткая репрессивность вербальной рациональной культуры — излюбленная тема философии XX в. [8].

Реванш визуальности

Возможно, важнейший итог вербального рационального наступления — форсированное, стремительное (как следствие эффективного кодирования) развитие техники, которое усиливает экспансию, активно продуцируя новые средства связи, увеличивающие скорость передачи словесной информации. Телеграф Морзе заработал в 1832 г., телефон Белла в 1876 г., в 1905 г. Поповым—Маркони была осуществлена беспроводная связь. Слово понеслось по планете со скоростью света.

В то же время культура не может пренебречь визуальным каналом с его гигантской пропускной способностью. Несмотря на могущество слова в рациональной культуре, Дух не замыкается даже в Книге, он неотделим от божественного света («И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы» — Быт. 1:4), постоянно расширяющего пределы видимого. Научно изощренная мысль и технически вооруженный человеческий взор проникают все дальше за космические горизонты и в глубины материи.

Революционное открытие фотографии — один из результатов неослабевающего внимания к визуальным впечатлениям. Логичным следствием этого прорыва становится рождение кинематографа, телевидения, современных видео. Едва овладев способностью комбинировать, манипулировать иконическими знаками, кинокуль-

тура — символ эпохи — вступает на путь активного противостояния господствовавшим в прошлом культурам слова: «Соперничество кино с литературой — факт сегодняшней культуры» [9, с. 73].

Продолжая и усиливая победную экспансию, развивая моделирование сложных процессов и способы автоматического управления, вербальная, книжная культура приходит к созданию компьютера. Стремительное, экспоненциальное увеличение емкости и быстродействия цифровой обработки информации требовало совершенствования интерфейса человек — компьютер. Органичный путь такого движения — переход на внешнем уровне от языков программирования к вербальному управлению (вводу-выводу информации). Выбор между акустическим и визуальным способами общения с компьютером был предрешен прогрессом телевидения и его уже реализованными возможностями. Активное внедрение, вслед за кино и телевизором, компьютерного монитора окончательно утверждает в культуре экранную эру.

Новое Средневековье?

Начальный этап цикла в культуре всегда связан с опрошением как следствием вырождения уходящей цивилизации. Подобное течение свойственно для перехода, например, от культуры устной к письменной (Сократ — последний мудрец, не прельстившийся пером и бумагой, — остается для нас безусловной вершиной даже в сравнении с гениальным учеником — Платоном, не говоря уже о последующих переписчиках и издателях). Бедность письменной речи в сравнении с богато интонированной устной очевидна. Но её эволюционная перспектива бесспорна.

И в сегодняшней культуре наглядность иконических, естественных знаков, сила и убедительность визуальных образов («лучше один раз увидеть...») обеспечивают неотразимый успех рекламы и пропаганды. В XX столетии мощностю кино и телевидения мгновенно осознается, а способы их воздействия активно берутся на вооружение главными претендентами на мировое лидерство: Советским Союзом, фашистской Германией, демократическими Соединенными Штатами. Радикально омолодившееся в результате послевоенного демографического взрыва население планеты формируется в культуре визуальной, решительно вытесняющей книгу как основной источник знаний, базу интеллектуального, духовного развития.

Но торжество цифровых технологий, приоткрыв богатства мировой культуры для тех, кто ранее не имел даже представления о них, ни малейшей возможности к ним приблизиться, отнюдь не отбросило культуру в дописьменную эпоху, напротив — оно приобщило к текстам, к их восприятию и созданию миллиарды жителей демократического мира. Количество печатных знаков, генерируемых ныне ежедневно в текстовых редакторах, социальных сетях и электронной почте, превосходит показатели полувековой давности по меньшей мере в сотни раз. И, может быть, следует говорить о начале эры книги электронной, а не о конце книжной эры?

Как бы там ни было, очевидно, что нынешний этап развития культуры знаменует реванш визуальности, окончание эпохи книжной культуры, книжного слова, вытеснение его «электронным», «цифровым» словом — внешне неотличимым от печатного слова знаком. Однако остро ощутимое отличие — бесспорная реальность. В чем же оно заключается?

Лишенное подсказок и подпорок (иллюстрации в изданиях серьезной литературы не имели заметного успеха) книжное чтение базируется на активной работе воображения, в то время как сильные, ёмкие, переполняющие оперативную память экранно-визуальные картины-тексты оставляют воображению существенно меньше места.

Четкая и широко доступная картина мира в экранной культуре с её гигантскими теле-интернетными возможностями, конечно, решительно расширяется, но при этом утрачивает фокусировку, как будто переходя к многоэкранному представлению, сформированному фасеточным зрением насекомого. Привлекательность визуального восприятия в сравнении с книгой, требующей сосредоточенности, концентрации внимания, определила успех движущегося вместе с изображением текста — комикса, а следом игрового и мультипликационного кино. Той же направленностью характеризуется и стремительная экспансия персонального компьютера, в ходе которой командный язык (вместе с операционной системой *DOS*) вытесняется графическим интерфейсом, текстовый ввод команд и клавиатура — вариативным выбором, гиперсвязями, манипулятором-мышью, сенсорными экранами...

Ускорение темпов постиндустриальной жизни и производства, вовлекающих в свою орбиту многомиллиардное население планеты, сопровождается лавинообразно нарастающим потоком информации, что стимулирует адаптивные поиски путей ее эффективного кодирования и сжатия — технических, политико-управленческих, культурно-бытовых. Видевшиеся еще несколько десятилетий назад явно гипертрофированными черты новояза, которые Оруэлл рассмотрел в тоталитарном кошмаре «1984-го», в сегодняшнем информационном демократическом мире реализованы с перевыполнением плана.

Классик не был знаком с современными дайджестами, смс-сообщениями, твиттером. Его устрашали нововведения вроде «Коминтерна»: «это слово, которое можно произнести, почти не размышляя, в то время как “Коммунистический Интернационал” заставляет пусть на миг, но задуматься» [10, с. 204]. Но «Министерство правды» с его принципами сокращения и упрощения словаря и грамматики — детский лепет в сравнении с грандиозным прогрессом, достигнутым благодаря внедрению мобильных устройств и социальных сетей в свободной и толерантной компьютеризированной среде. Оруэлл представить себе не мог, что всё богатство чувств можно попытаться заменить несколькими десятками (!) смайликов.

Удивительная мощь Интернета как главного источника знания открывает для сознания невиданные возможности (особенно в близкой перспективе, когда необъятная база данных мировой культуры станет органичной частью человеческой памяти). Однако без эмоциональных переживаний и аффективных энергетических разрядов утрачивается потенциал для активного прожигания новых нейронных цепей, рождения свежих ассоциаций и решений. Соблазнительная экономия психической энергии за счет редукции нейронных связей таит опасность опрощения и даже вырождения восприятия и сознания.

Блицкриг экранной культуры, завершение (во всяком случае временное) эры сакрального слова определяется крайне серьезным разворотом сознания и, в свою очередь, определяет последний. Обрывается веками углублявшаяся и расширявшаяся «филогенетическая» линия книжно-письменного развития культуры, при котором зонам зрительного восприятия отводилась промежуточная роль передат-

чика информации в моторные зоны внутреннего говорения, а оттуда — в акустические, возбуждение которых завершается осмыслением. Значение интегрального, визуального правополушарного восприятия усиливается, а роль акустических и моторных реакций и областей коры уменьшается (на что существенно влияет вытеснение письменной практики в связи со всеобщим переходом к вводу текста с клавиатуры).

Естественный итог происходящего (весьма болезненный для представителей «традиционной» культуры) — уход книги с авансцены современной культуры, при котором мы сегодня присутствуем. Если темпы этого процесса не замедлятся (а налицо все основания к тому, чтобы они нарастали), то печатная книга как повседневный спутник грамотного человека, как неперемнная основа образования, как источник и главный инструмент культурного влияния, стимулирующий мысли и чувства, фантазию, воображение, окончательно исчезнет в следующем поколении.

Будущее книги?

Впрочем, не стоит отчаиваться: если сменить масштаб и вспомнить, что подобный путь — переход к укороченным кодовым единицам и усложненным принципам управления ими — характерен для динамики многих европейских языков на протяжении последнего тысячелетия (языковое движение от флективности к аналитичности строя), то в современных тенденциях можно увидеть эволюционную закономерность — поиск новых форм эффективного культурного кодирования.

Действительно, книга, пасуя перед комиксом, мультиком, дайджестом, превращается в раритет, но в этом можно увидеть и положительную сторону. О какой ауре или хотя бы ценности книги можно говорить применительно к большинству современных изданий, переполненных стилистическими и более того — орфографическими ошибками, когда одним из важнейших критериев при их оформлении служит экономия бумаги. Такие издания можно и должно отправить в бесконечное цифровое пространство, где они, даст бог, затеряются.

Утратив популярность, превратившись в редкость, книга, быть может, получит шанс вернуть себе пусть и не былое всеобъемлющее господство (универсалии становятся всё менее актуальными), но то значение, которым она обладала в Древние и Средние века как некий особый свод высших истин, спаянное воедино воплощение мудрости и красоты и даже материальная ценность.

Так же как появление письменности в итоге непременно завершается расширением словарного запаса, развитием речи и языка — а значит, и усложнением сознания, чувств, совершенствованием интеллекта, — так и оцифровка текста, книги, без сомнения, обернется их обогащением, многоцветием, новыми оттенками и смыслами. Нынешний, явно и грубо обедненный «дигитальный» текст, способен обрести в виртуальной среде мощный потенциал, многообразные возможности для расширения, усиления вербального поля — за счет возвращения эстетического богатства, путем усиления знаковой нагрузки, содержательности и образности (например, посредством отображения текста как иероглифической системы метаязыка — целостной визуальной картины и развертки её в зримых проекциях)...

Техническое воспроизводство произведений искусства и конвейерная публикация смывают ауру книг [11] и ставят под сомнение их роль в актуальной культуре. Наступающий при этом этап опрощения — эволюционная закономерность, знаменующая конец эпохи и в то же время — разворот к новой фазе развития. Однако и на этой следующей ступени книга — символ уходящей культуры — не канет в Лету, она возродится в той или иной форме (экзотический вариант — человека-книгу — достаточно давно представил Рэй Бредбери [12]). Нынешний прогресс робототехники, искусственного интеллекта дает достаточно оснований пофантазировать о куда более заманчивых моделях возвращения-воплощения, положим, «Гамлета» или «Преступления и наказания». Ценность нетленной КНИГИ (так же как и ценность законов Ньютона в квантовой гуще релятивистской физики) никогда не будет утрачена — по крайней мере, до тех пор пока для сознания, души останутся жизненно важными извечные проблемы, с которыми на протяжении тысячелетий были связаны те переживания, мысли, ощущения, что столь емко, ярко, рельефно отображались на папирусе, пергаменте, на бумажных страницах карманных изданий.

Литература

1. Книгоиздание в России: обзор десятилетия // Pro-Books.ru. 29.03.2011. URL: <http://www.pro-books.ru/sitearticles/6917> (дата обращения: 25.11.2006).
2. Обзор мировой и российской книжной отрасли 2010 // O2Consulting. URL: <http://o2consulting.ru/articles/obzor-knizhnoj-otrasli/> (дата обращения: 14.11.2011).
3. Поршнев Б. Ф. О начале истории. СПб.: Алетейя, 2000. 714 с.
4. Келер В. Исследование интеллекта человекообразных обезьян. М.: Изд-во коммунистической академии, 1930. 215 с.
5. Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение. М.: Мир, 1985. 248 с.
6. Франкфорт Г., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. М.: Наука, 1984. 238 с.
7. Культура Древнего Египта / отв. ред. И. С. Кацнельсон. М.: Наука, 1975. 446 с.
8. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 459 с.
9. Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 127 с.
10. Оруэлл Дж. 1984 / пер. В. П. Голышева // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. С. 22–208.
11. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Избранные эссе / пер. с нем.; под. ред. Ю. А. Здороваго. М.: Медиум, 1996. С. 15–65.
12. Бредбери Р. 451 градус по Фаренгейту // Бредбери Р. О скитаниях вечных и о Земле. М.: Правда, 1987. С. 5–152.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2014 г.